

П. Г. Ширяева

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПЕСЕННОГО ТВОРЧЕСТВА РУССКИХ РАБОЧИХ

(ДООКТАБРЬСКИЙ ПЕРИОД)

I

Общественные и экономические условия, в которых зарождалось, развивалось и жило песенное творчество рабочих, серьезно изменялись на протяжении XVIII—XX вв., поэтому совершенно естественным является раздельное рассмотрение поэтических особенностей и жанров песенного творчества в период формирования русского рабочего класса и в период организованной борьбы русского пролетариата.

Процесс создания рабочих песен был длительным и трудным и отражал процесс формирования русского рабочего класса. То обстоятельство, что значительное число крестьян влилось в состав рабочих, сказалось на их раннем песенном творчестве. Положение феодальнозависимого крестьянина, поставило рабочую поэзию в один ряд с антикрепостнической народной поэзией.

В поэтическом творчестве рабочих XVIII—первой половины XIX в. специфические рабочие мотивы (изображение условий труда, жизни и быта) проявляются весьма скупо. Чаще всего в этих песнях называется место работы (город, фамилия или имя владельца фабрики). Таковы песни «Как во городе во городе во Санкт-Питере... у Милютина да на фабрике»¹, «Как во городе Ярославле Затрапезнова на заводе, заводился там двор фабричный»², «Как у нашего хозяина у Логанова, у прикащика было у Строганова»³, «Вы кудри ль мои кудри»⁴, «Завела девка шинок»⁵.

Истоки этих песен лежат в самых разнообразных жанрах традиционного песенного творчества. Так, песни о фабрике Затрапезнова в Ярославле и фабрике Милютина в Петербурге построены на основе лирической свадебной: «Возле тын хожу, я копер (укроп. — П. Ш.) сажу»⁶. Содержание ее классического варианта таково: невеста пугается свекра (в петербургском варианте девушка пугается отца) и теряет узор, который она вышивает. Ярославская и петербургская версии песни меняют место действия (в первой — оно переносится в Ярославль на фабрику Затрапезнова, во второй — в Петербург на фабрику Милютина), состав действующих лиц (вместо свекра выступает отец или добрый молодец), но сохраняют колорит лирической свадебной песни.

Новая песня еще тесно связана со старой, с привычными образами традиционных крестьянских песен, даже с их композицией, но в ней уже

¹ «Собрание разных песен М. Д. Чулкова», ч. 1, СПб., 1913, № 183.

² Отдел письменных источников Государственного исторического музея, рукопись П. И. Шукина, связка 601, № 86.

³ А. И. Соболевский, Великорусские народные песни (далее А. И. Соболевский), т. VII, СПб., 1902, № 423.

⁴ «Русская старина», 1886, февраль, стр. 491.

⁵ П. И. Якушкин, Соч., СПб., 1884, стр. 540, № 14.

⁶ А. И. Соболевский, т. II, СПб., 1896, № 531; см. также №№ 582—584.

создается и рабочая сюжетная ткань. Наиболее характерна в этом отношении песня «Ярославль наш батюшка, река Волга-матушка»⁷, сложенная по типу путевых бурлацких песен. Бурлацкие песни обычно рассказывают о прибрежных городах и пригородах, поселках, мимо которых идут бурлаки, о жителях приволжских, приневских станций. В песне «Ярославль наш батюшка...» основное внимание уделено сатирической характеристике окраин Ярославля, названы и отдельные фабричные слободы; в отличие от бурлацких песен изображены еще и мастерство рабочих — ярославских ткачей-умельцев, и некоторые черты их быта.

Подчас в крестьянских и в рабочих песнях мы находим одни и те же образы, что является ярким проявлением органической связи этих песен и популярности крестьянского фольклора в рабочей среде. Образ отлетающей птицы в солдатских песнях близок образу отлетающих гусей в песне об отправке крестьян и беглых людей на строительство Ладожского канала⁸. Образ бесконечной пути-дороги встречается и в рекрутской песне, и в песне об отправке крестьян на уральские и сибирские заводы⁹. Одни и те же образы характерны также для песен о тяжелой солдатской службе и песен о тяжелом труде питерских каменотесов¹⁰. Заломанные кусты как символ горя встречаются в песне о Разине и в песне текстильщиков Иваново-Вознесенска¹¹.

Иногда через старую лирическую песню лишь едва проступает новое содержание. Так, близка традиционной плясовой песне «Я вечер молодда во пиру была» лирическая песня о корабельных мастерах Охтенской судовой верфи. В ней молодец, идя из кабака, ухватывается за веревку, которую ставили «добрые молодцы, охтенские плотники... мастера корабельные, корабельные и галерные»¹² (в традиционной — молодца идет домой, шатаясь «от пива», и прислоняется к веревке свекра).

В песнях о проходах к месту работы и о самой работе на предприятии очень скупо говорится о труде. Это по существу еще не рабочие песни, а песни посадских людей и крестьян, критикующие фабричную жизнь. Однако постепенно в песнях появляются отдельные штрихи, характеризующие условия труда на заводе и фабрике. В различных производственных коллективах России начинают складываться песни нового типа, каждой из которых присущи новые, социальные черты. Это песни: «Вы леса ль мои лесочки» (Иваново-Вознесенск), «Во селе было Крашинском, на дворе фабричном» (Симбирская губерния)¹³, «Как у славного заводчика у Титова на дворе, собиралися набойчики на Язу погулять» (Московская губерния)¹⁴, «Всяк де спляшет да не как скоморох» (уральская)¹⁵, «О, се горные работы, они всем дают заботы» (сибирская)¹⁶, «Как во Устюгской округе, во Двинской было трете» (Вологод-

⁷ Рукописный отдел Ин-та русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (далее ИРЛИ), ф. 265, оп. 2, № 1458.

⁸ «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 8, М., 1870, стр. 261—264 (песня «Ладожский канал»); ср. А. И. Соболевский, т. VI, СПб., 1901, №№ 96, 130, 139 и др.

⁹ Песня «Из Москвы мы выступали» (Рукописное отделение Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, архив Н. Ф. Щербина, тетр. 1, лл. 30, 31, № 5); ср. с песнями о рекрутах: «Ты дорога моя, дорога широкая» (А. И. Соболевский, т. VI, №№ 121, 129 и др.), «Ах, ты душечка, красная девица» (там же, №№ 807, 808).

¹⁰ «Уж как весело жить нам, лутиловцам молодым» (Рукописное отделение Гос. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр F XVII, 69, л. 65); ср. с казачьей песней «Ой, нам весело жить, теперь не о чем тужить» (А. И. Соболевский, т. VI, №№ 162, 163).

¹¹ Ср. песню «Вы леса ль мои, лесочки» («Песни, собранные П. В. Киреевским», нов. серия, вып. II, ч. 1, М., 1929, № 1584) с песней о Разине (А. И. Соболевский, т. VI, № 402).

¹² См. А. И. Соболевский, т. II, № 171.

¹³ «Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского», «Литературное наследство», т. 79, М., 1968, стр. 635, № 57.

¹⁴ Там же, стр. 322—324, № 36.

¹⁵ Рукописный отдел ИРЛИ, разр. 39, оп. 7, № 99, стр. 33.

¹⁶ «Томские губернские ведомости», 1865, 7 мая (№ 17) и 14 мая (№ 18), часть неофициальная.

ская губерния) ¹⁷, «Уж как весело жить нам, путиловцам молодым» (с. Путилово Петербургской губернии) ¹⁸ и др.

Главной темой песен постепенно становится положение рабочих, условия их труда. В большинстве песен первой половины XIX в., как и в песнях XVIII в., изображение условий труда дается кратко, но штрихами яркими, реалистическими. В некоторых песнях имеется уже известное обобщение. Так, совершенно противоположно содержанию своего прототипа — городской песни «Во селе, селе Покровском, середь улицы большой, разыгралась, расплясалась красна девица душа» — строится песня «Во селе было Крашинском, на дворе фабричном, молодец красна собирает, тяжело вздыхает». В этой песне рабочий жалуется и на тяжесть труда, и на заводчика, видя в нем своего социального антагониста.

Нет прочной связи с традиционной основой и у лирической песни, записанной А. Кольцовым в 1830-х гг. на текстильной фабрике московского купца Титова («Как у славного заводчика у Титова на дворе»). Впервые в песнях звучит стихийный протест против заводчика: «Пропадай ты, Матюшин, со заводом со своим, со товаром со гнилым и с приязчиком лихим». Среди песен, содержащих стихийный протест против тяжелого положения, только уральская «Из-за лесу, из-за гор» ¹⁹ (о воставших рабочих, встретивших войска камнями) имеет общий зачин с традиционными песнями — с северной крестьянской песней, но и она далека от своего прототипа по содержанию.

Обстановку на промышленном предприятии, условия труда рабочего, его правовое положение наиболее ярко изображают две сатирические песни: уральская «Всяк де спляшет да не как скоморох» ²⁰ и сибирская «О, се горные работы» ²¹. Возникли они в начале XIX в. Эти песни сильно отличаются по своему поэтическому стилю: уральская песня использует для характеристики условий труда образы-символы, сибирская же, не прибегая к символам, реально изображает труд и быт рабочих алтайского сереброплавильного завода.

Образ рабочего в лирических и сатирических песнях первой половины XIX в. — это преимущественно образ умельца. В песнях рабочих второй половины XIX в. этот образ не удержался, как не удержались и те песни, в которых говорилось о возникновении новых фабрик и заводов. Их вытеснили песни, центральный образ которых — рабочий, недовольный своим тяжелым положением. Эта последняя тема получила дальнейшее развитие в песенном творчестве 1870—1917 гг. В большинстве песен 1870-х гг. раскрывалось действительное положение рабочих (тяжелый труд, нищенская плата, штрафы и т. д.), но были и песни слезливо-сентиментальные, так называемые «фабричные», бытовавшие среди отсталых рабочих. С 1880-х гг. создается ряд песен, в которых условия труда и быта характеризуются с позиций кадровых рабочих. В них отчетливо выражены классовые отношения, непримиримость рабочих и предпринимателей (песни «Мы по собственной охоте были в каторжной работе — в северной тайге» ²², «С утра до ночи в заботе мы на фабрике в работе, чисто как в аду» ²³).

¹⁷ «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», вып. II, под ред. Н. Харузина, М., 1890, стр. 21.

¹⁸ Рукописное отделение Гос. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр F XVII, 69, л. 65.

¹⁹ Архив Географического общества СССР, разр. 29, оп. 1, № 33, песня № 42.

²⁰ Песня обнаружена в рукописи уральского инженера А. Ярцева, относящейся к 1820-м гг. Рукописный отдел ИРЛИ, разр. 39, оп. 7, № 99, стр. 33.

²¹ Сереброплавильный завод на Алтае построен в 1804 г. Песня опубликована в 1865 г. См. «Томские губернские ведомости», 1865, 7 мая (№ 17) и 14 мая (№ 18), часть неофициальная.

²² «Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки С. Турбина и старожил», СПб., 1872, стр. 169.

²³ «Воспоминания П. А. Моисеенко. 1873—1923», М., 1924, стр. 34.

Жанровая специфика и характер образов в рабочих песнях второй половины XIX в. значительно изменились; изменились также и их источники. В этот период продолжают создаваться лирические и особенно сатирические песни; новыми жанрами явились песни-баллады и первые гимнические песни, воспринятые авангардом рабочего класса.

Вторая половина XIX в.— период, характеризующийся быстрым развитием капитализма, активным процессом «раскрестьянивания», расчленения деревни и выделения кулачества; но в то же время это и период начала активного рабочего движения, проникновения в Россию первых марксистских произведений, организации первых рабочих союзов, движения крупных организаторов из среды рабочих. Для второй половины XIX в. характерно возникновение песен рабочих ведущих промышленных предприятий. Вырабатывается и новый поэтический стиль рабочей песни — литературный. Поэтические произведения рабочих этой поры связаны и с традиционным народным творчеством²⁴, преимущественно с солдатскими песнями, и особенно с литературными песнями.

В начале 1860-х гг. распространились песни из нелегально изданных песенных сборников²⁵. Написанные на «голоса» известных народных напевов, эти песни быстро завоевали популярность; они исполнялись либо в том виде, в котором были опубликованы, либо, в переделанном и приспособленном к местным условиям. Это песни: «Ах, ты сукин сын, проклятый становой», «Братцы, дружно песню грянем», «Долго нас помещики душили», «Из-за матушки за Волги», «Русскому солдату тяжело служить», «Эх, солдатское житье, горемычное вытье», «Песня крымских солдат», «Ослушная песня. На голос „Марсельезы“». В 1870-е гг. в нелегальной печати²⁶ был опубликован также ряд песен, предназначавшихся для городских рабочих: «Дума ткача», «Доля», «Дума кузнеца», «Барка», «Эй, ребята, собирайтесь поскорей», «Новая песнь»²⁷, «Последнее прости»²⁸. Революционными песнями будущего пролетарского освободительного движения²⁹ называл Г. В. Плеханов новые песни, имея в виду не только песни гимнические или об исторических событиях, но и песни сатирические. О рождении сатирических песен писал и В. В. Берви-Флеровский³⁰.

Во второй половине XIX в. в рабочей среде, как мы уже говорили, родился жанр баллады. Возникновение балладных рабочих песен связывается с Сибирью и в первую очередь с золотодобывающей промышленностью. Наиболее ранняя (1860-е гг.) балладная песня «Как в недавних годах на Карийских промыслах»³¹ рассказывает о трагедии на Карийских золотых приисках, где погибло около пяти тысяч человек. К типу баллад относится и песня о сибирском взяточнике Зыбине³².

²⁴ Так, в стиле плясовой сложена одна из песен Пермской губернии — «Сяду я на бурога быка» (молодая едет на Мурому гору, чтобы поискать «руды серебряной», см. А. И. Соболевский, т. VII, № 102). В стиле хороводной создана песня «Уж как на фабрике у нас есть про всякого запас», записанная писателем И. Ф. Омудевским от ельцинских рабочих. И. Ф. Омудевский указывал, что на ельцинской текстильной фабрике новый самородок-поэт приделал «...еще один куплет к известной лихой песне. Теперь она заканчивалась так: „Нам директор нипочем — согнем его калачом“» (И. Ф. Омудевский, «Шаг за шагом», М., 1957, стр. 287 и 424).

²⁵ «Солдатские песни», Лондон, 1862; «Свободные русские песни», Берн, 1863.

²⁶ «Вольный песенник», вып. I—II, Женева, 1870; «Песенник», Женева, 1873; «Сборник новых песен и стихов», Женева, 1873.

²⁷ Газ. «Вперед. Двухнедельное обозрение», Лондон, 1875, № 12, 19 июня (1 июля), стр. 361—362.

²⁸ Там же, 1876, № 33, 3 (15) мая, стр. 284.

²⁹ О песнях будущего Г. В. Плеханов упоминал в известном предисловии к сборнику «Песни труда» (Женева, 1885); о сатирических песнях он писал в работе «Русский рабочий в революционном движении» (см. Г. В. Плеханов, Соч., Пг., 1923, т. III, стр. 139 и др.).

³⁰ См. В. В. Берви-Флеровский, Положение рабочего класса в России, СПб., 1869, стр. 323—324.

³¹ Газ. «Владивосток», 1893, №№ 37, 40, 43, 44.

³² Записана в 1890-х гг. А. А. Александровым. Архив Географического общества СССР, разр. XIII, № 148.

В песенной поэзии второй половины XIX в. рабочий изображается уже как член коллектива промышленного предприятия. Это кадровый рабочий. Он прекрасно понимает и справедливо оценивает свое положение подневольного, зависимого от предпринимателя человека (песни «Только начало зариться, а будилка уже стучится», «Много денег нам сулили, только мало получили — вычет одолел», «Кто на Охте не бывал, тот горя не знает», «Лето красное проходит, зима морозна настает...», у фабричных сердце мрет», «Я хочу вам рассказать, как нас стали обирать» и т. д.). В сатирических песнях рабочие прибегают, как в старинных песнях о камаринском мужике, то к иронии и насмешке над собой и своим положением³³, то к резкой обличительной характеристике предпринимателей-хозяев, как в «Барыне» (не случайно напевы «Камаринской» и «Барыни» широко использовались в песнях второй половины XIX в.).

II

В канун и годы Первой русской революции рабочий класс России вышел на арену политической борьбы с самодержавием и буржуазией. Следствием пробуждения пролетариата явились песни освободительной борьбы. Это были исторические песни нового стиля и новых жанров, совсем непохожие ни на песни периода формирования русского рабочего класса, ни тем более на песни стихийных крестьянских восстаний прошлых столетий. Рабочая песня стала активным организатором масс. Она своевременно откликалась на происходившие в России события. Характернейшая черта новой песни — ее современность. В руках опытного агитатора политическая песня становится незаменимым помощником. Эта новая функция освободительной песни в русском революционном рабочем движении и определила в предоктябрьское двадцатилетие специфику песенных жанров и поэтических образов. В период с 1890-х по 1917 г. бытуют следующие жанры, отвечающие функции политических песен в русском революционном рабочем движении: песни обличительные, гимнические, песни об исторических событиях в стране, песни политической каторги и ссылки, сатирические песни и стоящие несколько особо, хотя и связанные по содержанию со всеми другими жанрами, — балладные песни.

Лучшие песни этого периода выражали идеи революционной освободительной борьбы. В них рабочие выступают как коллектив, как самый передовой класс общества. Чаще всего эти песни написаны от 1-го или 3-го лица множественного числа — «мы», «они». Особенно ярко неприимность к угнетателям, вера в победу проявились в гимнических песнях «Смело, товарищи, в ногу», «Вихри враждебные веют над нами» («Варшавянка»), «Нас давит, товарищи, власть капитала» (сибирская песня «Красное знамя»), «Вся наша жизнь — тяжелый труд» («Красное знамя»; «Слезам залит мир безбрежный»), «Мы не чтим золотого кумира» («Марсельеза»). Эта идея выражена и в песнях об исторических событиях: «Мы мирно стояли пред Зимним дворцом», «Низко мы шею сгибали, каторжный труд нас томил», «С наивной верою, с открытою душою мы

³³ С песней «Мы на промыслах живем, ничего не знаем», иронически оценивающей положение рабочих («Бери чаю, бери мыла, хоть не это нужно было... Набирай себе обнов, хоть бросай потом все в ров») переключается свидетельство о жизни рабочих, опубликованное В. И. Семевским: «Одежда ссыльно-каторжных известна; иногда ее нельзя назвать даже лохмотьями, потому что они довольствуются всем тем браком, который остается вследствие совершенной негодности для какого бы то ни было сбыта, да и на такую одежду полагается срок, который не может выдержать товар самого лучшего качества; из своего же, так называемого жалованья... ни один рабочий ничего купить для себя не в состоянии» (В. И. Семевский, Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. 1, СПб., 1898, стр. 313).

шли к тебе, палач самодержавный», «Кто они, безвестные герои, там за крепкою стеной?». Местоимение «они» относилось обычно к борцам за свободу, заключенным в тюрьму, но иногда и к врагам всего трудового народа — самодержавию и буржуазии: «Голодай, чтоб они пиروвали» («Марсельеза»). Кроме местоимений 1-го и 3-го лица использовались и обращения во 2-м лице единственного и множественного числа. Они встречаются уже в самых ранних гимнических песнях: «Замученный тяжелой неволей, ты раннею смертью почил» (1876 г.), «Вы жертвою пали в борьбе роковой» (1880-е гг.), в первом партийном гимне русского рабочего класса: «Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами» (1898 г.), а также в других революционных песнях об исторических событиях («Погибшие, братья, вам вечный покой», «Вынул ты жребий недалний», «Стреляй солдат, в кого велют») ³⁴. Особый характер обращения содержат сатирические песни: иронически-дружеский — к рабочим («Эх, и прост же ты, рабочий человек») ³⁵, злой и насмешливый — к служителям церкви («Нужка, отче толстопузый, расскажи, что в церкви врал?»; «Сказка о поле и черте») ³⁶, гневный — к представителям самодержавия («Нагайка, ты нагайка, тобою лишь одной, романовская шайка сильна в стране родной») ³⁷.

Обычно при анализе рабочих песен предоктябрьского периода говорят только о новых образах — образах Свободы, Революции, Красного Знамени, как символа борьбы пролетариата, не раскрывая связи этих новых образов с традиционной крестьянской поэзией. Связь эта — в преемственности демократических и социалистических тенденций в песенном творчестве крестьян и рабочих, в ином восприятии представлений о Родине, как Отечестве трудящихся. Новые представления, выраженные в песнях русского пролетариата, складывались в годы ожесточенной классовой борьбы, когда один день был равен 20 годам ³⁸. Отчизна, защищаемая русской армией от внешнего врага, и отчизна трудящихся, отвоевываемая рабочими, солдатами, матросами от своего внутреннего врага — самодержавия, — таково понимание одного и того же явления в народном песенном творчестве XVIII—XX вв. В крестьянской песне о походах Разина рассказывалось о том, как «Буйну голову срубили с губернатора» за то, что «губернатор... строгонек был» («Ты ведь бил нас, ты губил нас, в ссылку ссылавал» ³⁹). В рабочей песне угроза неминуемой расправы адресовалась уже всему «романовскому роду», царю (хотя его имя и не называлось в песне): «Мы разрушим в конец твой роскошный дворец..., а порфиру твою мы отыдем в бою...». О конечной цели борьбы в крестьянской песне не говорится, в рабочей же она сформулирована предельно ясно: «Свергнем могучей рукою гнет вековой навсегда и водрузим над землею красное знамя труда», «Владыкой мира будет труд», «Лишь мы, работники всемирной великой армии труда, владеть землей имеем право...» и т. д. Новая песня рабочих касается и таких исконных, столь типичных для старой песенной традиции понятий, как сущность морального и этического в поведении человека. Так, если в старинной крестьянской песне солдат рисуется защитником отечества, героем, то в рабочих песнях отразилось и иное отношение к солдату — как к защитнику самодержавия. Песни рассказывают о «храбрых» «лихих семеновцах», расстреливающих своих братьев — рабочих и крестьян, которые выступили против произвола царской власти:

³⁴ Тексты их см. в Рукописном архиве сектора фольклора ИРЛИ, колл. 77.

³⁵ Газ. «Рабочая мысль», 1900, № 8, приложение.

³⁶ Там же, 1899, № 7.

³⁷ Рукописный архив сектора фольклора ИРЛИ, колл. 77.

³⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 78.

³⁹ «Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Вступительная статья, редакция и примечания А. Н. Лозановой», М.—Л., 1935, стр. 36; см. также другие песни на эту тему, стр. 22, 34 и т. д.

А вы, семеновцы лихие,
Хватило дела палачам,

Они на кладбище возили
Вагоны мертвых по ночам⁴⁰.

Сурово, но справедливо бросает рабочая песня гневные слова в адрес защитников самодержавия:

Стреляй, солдат, в кого велят...
Забудь отца, родного брата,

Забудь жену свою и мать,
Лишь помни памятку солдата.

В других песнях рабочий предупреждает солдата («Постой-ка, товарищ, опомнися, брат, скорей брось винтовку на землю» или «Зачем ты, товарищ, винтовку свою зарядил?»), усовещивает солдат («Мы работали с вами когда-то, и работать придется опять»). Не случайно немало песен было сложено с одним и тем же постоянно варьирующим образом: «Мы (рабочий и крестьянин, рабочий и солдат.— П. Ш.)— братья». Образ этот в сочетании с постоянно сопутствующим ему образом знамени, чаще всего — Красного Знамени или Знамени Труда, как символа «Свободы святой», были типичными для революционных песен предоктябрьского двадцатилетия, когда объединились в борьбе тысячи рабочих, крестьян, солдат, матросов. Рабочая песня сохранила и пронесла через годы суровых испытаний типичные для традиционной народной песни обобщенность и стиль параллелизма, то с прямыми и непосредственным противопоставлением, то с развитием положительного образа: «Волга-мать, река моя родная... несешь плоты, несешь ты пароходы, но не несешь одной, одной свободы», «Погибшие, братья, вам вечный покой, убийцам — навеки проклятье», «Братцы, дружно песню грянем... мы рабочих бить не станем, не враги они для нас», «То не соколы сизокрылые улетели в небо прочь, то ребята, сердцу милые, убежали в эту ночь» (о массовом побеге из тюрьмы), «Очаков-борец за свободу, он честно кровью залит»⁴¹. Рабочая политическая песня по своему содержанию, характеру образов, языку проста и доходчива. Она как бы продолжает в новых условиях повествовательные, разговорные интонации традиционной песни. Проследим это на двух примерах:

Песня о тяжести царской службы
(публикация 1885 г.)

Ты, служба, ты, служба нужная,
Надоела служба, надоучила...
Всех добрых коней позамучила
Теми-то было походами частыми...⁴²

Песня об отправке молодца в солдаты
(публикация 1833—1834 гг.)

Уж как вяжут мне, добру молодцу, белы
руки,
Что куют-куют добру молодцу скоры ноги,
Что везут-везут добра молодца в царскую
службу,
Что во ту ль, во ту службу царскую —
во солдаты⁴¹.

Песня о восстании матросов крейсера
«Очаков» 15/XI — 1905 г.

Товарищи, трудно нам было
В бою за свободу стоять.
Смотрите, солдатские пули
Уж стали над нами свистать⁴³.

Песня-клятва рабочих, сложенная
после 9 января 1905 г.

Над вашей могилой мы клятву даем,
Святой вашей кровью клянемся,
Что будем бороться с убийцей царем,
Свободы и счастья добьемся⁴⁵.

В рабочих песнях 1900—1917 гг. наиболее ярко проявились те же черты русского народа, которые своеобразно запечатлелись в крестьянском традиционном песенном искусстве: настойчивость в достижении поставленной цели, высокая оценка трудовой доблести человека, высмеивание тунеядцев, врагов и добродушно-ироническая насмешка над своим бесправным положением, неугасимая вера в победу, острая ненависть к поработителям. Более того, система распространения и фор-

⁴⁰ Из песни петербургских рабочих Путиловского завода о 9 января 1905 г.: «Вот Петербург забастовался, по всем заводам тишина» (Рукописный архив сектора фольклора ИРЛИ, колл. 77).

⁴¹ Рукописный архив сектора фольклора ИРЛИ, колл. 77.

⁴² А. И. Соколовский, т. VI, № 196.

⁴³ Рукописный архив сектора фольклора ИРЛИ, колл. 77.

⁴⁴ А. И. Соколовский, т. VI, № 71.

⁴⁵ Рукописный архив сектора фольклора ИРЛИ, колл. 77.

мы бытования революционных песен рабочих и песен крестьян имеют много общего.

Политические песни русских рабочих тесно связаны с рабочей и крестьянской песенной поэзией других народов России, а также и с поэзией рабочих разных стран. Украинская песня «Шалийте, шалийте, скажени кати» стала первым русским партийным гимном: «Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами», и уже в июле 1898 г. в переводе Г. М. Кржижановского попала на петербургский Путиловский завод; польские песни «Варшавянка» и «Красное знамя» заняли ведущее место в песенном творчестве русских рабочих, а французский гимн «Интернационал» (в переводе А. Я. Коца) стал гимном русского пролетариата.

Процесс формирования песенных жанров в период массового рабочего революционного движения стимулировался задачами освободительной борьбы, потребностями рабочего класса в песнях в то время, когда партия развернула в широких масштабах агитационно-пропагандистскую работу по воспитанию масс. Впервые как самостоятельный жанр сложилась обличительная песня. Созданные во второй половине XIX в. песни о заводчиках, шахтовладельцах, владельцах золотых промыслов приобрели новое звучание в предоктябрьское двадцатилетие и были взяты на вооружение рабочего класса. Они стали (и в этом их существенное отличие от песен XIX в.) песнями уже оформившегося для борьбы русского рабочего класса и раскрывали значительно шире, реалистичнее, чем песня XIX в., положение рабочих. В этот период в среде передовой части рабочего класса зазвучали обличительные песни, заключительная часть которых содержала угрозу самодержавию: «Нострашись грозный царь... Только пепел оставим от трона». Песни клеймили самодержавие в целом, буржуазию, будили сознание рабочих. Броскости обличения способствовали повествовательность изложения, удачно подобранные напевы. Так, песню «Сказка о попе и черте», имевшую очень широкое распространение с конца 1890-х гг., пели на мотивы «Мой костер в тумане светит», «Из-за острова на стрежень», «Мимо сада городского», а иногда «на голос» новой песни о Разине «Точно море в час прибоя». Многие обличительные песни, как и песни второй половины XIX в., использовали такие популярные напевы, как «Барыня» и «Камаринская».

Основным же песенным жанром периода массового рабочего революционного движения были песни-гимны. Широчайшее распространение в канун и годы Первой русской революции приобрели двенадцать гимнических песен, сложенных на протяжении сорока лет (1861—1905 гг.). Примечательно, что само место создания гимнов было необычным: нередко гимны, как и другие революционные песни, слагались в тюрьме, на каторге, в ссылке, на этапе, некоторые — в эмиграции. Пять гимнов возникли в период, предшествовавший массовому рабочему революционному движению: «Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою» (1861 г.⁴⁶, Петропавловская крепость), «Дубинушка» (1865 г.), «Отречемся от старого мира» (1876 г., Лондон), «Последнее прости» (1876 г.), «Похоронный марш» (1880-е гг.). Семь гимнов непосредственно связаны с периодом массового рабочего движения: «Варшавянка» (1897 г., московская Бутырская тюрьма), «Смело, товарищи, в ногу» (1897 г., одиночная камера московской Таганской тюрьмы), «Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами» (1897—1898 гг., московская Бутырская тюрьма и Минусинская ссылка), «Слезам залит мир без-

⁴⁶ К сожалению, прямых данных о принадлежности стихотворения «Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою» перу М. Л. Михайлова не сохранилось. Из «Записок» самого Михайлова известно, что в ответ на кровавое столкновение студентов с полицией 12 октября 1861 г. он 14 октября 1861 г. написал стихотворение с припевом (см. Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов, Воспоминания, т. II, М., 1967, стр. 311).

«Брежний» (1900 г., Женева), «Нас давит, товарищи, власть капитала» (1901 г., Сибирь), «Интернационал» (1902 г., Женева), «На баррикады» (1905 г., Польша).

Известно, что мелодика ряда русских гимнических песен повторяет в значительной степени мелодику своих первоисточников — европейских революционных песен. Тексты же некоторых песен являются переводами европейских революционных песен. Эти песни, интернациональные по своему содержанию, выразившие идею грядущей революции, были настолько созвучны настроениям русских рабочих, что воспринимались ими как свои, русские песни. Соединение интернационального и национального звучит в тексте «песни песней» — «Интернационале», в огненных словах «Варшавянки», в призыве, завершающем гимн «Красное знамя». Особенно ярко задачи многонационального рабочего движения в России раскрывались в «Марсельезе»: «Не довольно ли вечного горя? Встанем, братья, повсюду зараз, от Днепра и до Белого моря, и Поволжье, и дальний Кавказ», что и определило ее широчайшее распространение в России. В гимнических песнях, как и в песнях об исторических событиях, проявилось мировоззрение русского рабочего класса, которое свидетельствовало о «всемирно-исторической роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»⁴⁷. Гимнические песни русских рабочих говорили вместе с тем о непокоримой силе освободительного движения, они являлись высшим проявлением интернационализма. Это были песни периода «суровой борьбы общественных классов»⁴⁸, борьбы жестокой, но справедливой, которую рабочие разных наций вели против богачей и эксплуататоров.

Более многочисленны, по сравнению с гимническими песнями, песни об исторических событиях 1905—1917 гг., особенно о Первой русской революции. Если гимнические песни как бы канонизировались в процессе распространения и не изменяли своего содержания на протяжении многих лет (несмотря на наличие вариантов), то популярность каждой песни об исторических событиях определялась обычно актуальностью изображаемого в ней выступления рабочих, солдат, матросов. Появление новой песни в какой-то мере притупляло интерес к прежней, делало ее менее значимой. События 9 января 1905 г., вызвавшие широчайший поэтический отклик, были несколько оттеснены майскими песнями и песнями о восстании матросов броненосца «Потемкин» (15 июня 1905 г.). В эти годы возникали одна за другой и сатирические песни, обличающие самодержавие, генерал-губернаторов Трепова и Дубасова, незадачливых командиров русско-японской войны. Рождались песни о героизме восставших матросов крейсера «Очаков» (15 ноября 1905 года), о казни П. П. Шмидта, о московском вооруженном восстании, о восстаниях матросов Ревеля и Кронштадта, о ленском расстреле и т. д. Новые события вызывали и новые песни, слагавшиеся то «на голоса» гимнических или иных, популярных в народе песен (если речь шла о героизме выступавших), то на напевы мещанских песен (сатирические песни). Некоторые песни об исторических событиях той поры не успевали получить широкого распространения, оставаясь чаще всего в кругу промышленных предприятий, с которыми было связано изображаемое событие.

Песни каторги и ссылки в годы массового рабочего революционно-го движения распространялись, как и гимнические, вместе с частью песенного репертуара XIX в. Лейтмотивом песен XIX в., как и песен более поздней поры, была негасимая вера в свободу. Именно этим объясняется тот факт, что в годы массового рабочего революционного движения в рабочей среде распространялись и пушкинский «Узник», и огаревский «Арестант», и «Колодники» А. Толстого, и «В дороге» А. Ар-

⁴⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 48.

⁴⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 408.

хангельского. Большую популярность среди рабочих завоевала песня «Прощай веселая Мурзинка, прощай Рыбачье село» (о первом вооруженном столкновении рабочих Обуховского завода с войсками в 1901 г.), «Солнце всходит и заходит», песня высылаемых за политическую деятельность Литовского замка в Петербурге («На углу на Офицерской стоит большой, огромный дом») ⁴⁹. Характерно, что репертуар песен политической каторги и ссылки никогда не смешивался с песенным творчеством уголовного мира. Нельзя сказать, чтобы рабочие не знали тюремных песен уголовников, но не эти песни были нужны пролетариату в трудной борьбе с самодержавием.

Сатирические песни, созданные в годы массового рабочего революционного движения, выполняли ту же функцию, что и гимнические песни. Это были два наиболее популярных жанра. Сатирические и гимнические песни звучали во время любого массового выступления рабочих.

В сатирической песенной поэзии наметились четыре основных группы песен: песни о самодержавии; о буржуазии; о полиции и жандармах; о духовенстве (наиболее многочислен репертуар песен о самодержавии и духовенстве).

Впервые в народном творчестве появились резко обличительные песни по адресу самодержавия. Предметом осмеяния были самодержавие в целом, император Николай II, приближенные царя, военачальники. Имя царя Николая II в песнях как бы символизировало феодально-крепостническую Россию, бесправие и угнетение народа. Рабочая сатира имела гораздо более далекий прицел, чем робкая «сатира» либеральной буржуазии, звучавшая в журналах тех лет. Цикл рабочих песен о самодержавии обширен и разносторонен. Обличение достигается использованием насмешливых оценок, афористической народной речи, уменьшительных имен. Почти в каждой песне говорится и о той силе, которая подавляет, уничтожает всякую свободомыслящую личность. В поле зрения оказываются находящийся в привилегированном положении «славный семеновский полк», Куропаткин, который, «удирая от японки, растерял свои иконки», «прославивший» себя приказом «патронов не жалеть» генерал Трепов, подавлявший московское вооруженное восстание Дубасов и многие другие. Лица, которых осмеивает песня, реальны, типичны. Их деятельность изображается зло-иронически.

Сатирические песни о буржуазии появились еще в XIX в. Но всеобщее распространение и исключительное звучание получила только одна — песня о Савве Морозове. Этот собирательный образ капиталиста оказался наиболее устойчивым. Из сатирических песен очень популярным стал антирелигиозный цикл: церковный причт, называвшийся в народе «жеребьячей породой», издавна был предметом самого жестокого осмеяния. Годы массового рабочего революционного движения внесли существенные изменения как в восприятие «антипоповской» песенной поэзии, так и в существо антирелигиозного творчества. Фигура священника-сластолюбца, жадного обманщика сохранилась в народной поэзии 1890—1917 гг., новым же явилось представление о священнике, как защитнике интересов правящих классов. Обличение священника — слуги самодержавия стало существенной чертой каждой антирелигиозной песни этого периода. Распространенные с 1890-х гг. семинарские антипоповские песни, создававшиеся в стиле церковных песнопений, в начале 1900-х гг. сменились новыми антирелигиозными песнями. Деятельность священнослужителей изображается и во многих исторических песнях 1905—1907 гг. Так, в популярной песне о 9 января («Мы мирно стояли пред Зимним дворцом») дается образ Гапона, под руководством которого рабочие шли ко дворцу. Тот же образ священника, но уже в сатирическом изображении, есть в песне пу-

⁴⁹ Рукописный архив сектора фольклора ИРЛИ, колл. 77.

тиловских рабочих «9 января» («Вот Петербург забастовался»). Картина расстрела рабочих Нарвской заставы предваряется гневной характеристикой Гапона:

Священник — первый друг народа,
Он, удирая, прокричал:

«Вперед, друзья, вас ждет свобода»,
Сказал «Прощайте» и удрал.

В цикле «Молитв»-пародий служители церкви изображены как ярые сторонники самодержавия.

Из балладных песен предреволюционной поры нам известно пять: три из них связаны с событиями 9 января («Мы мирно стояли пред Зимним дворцом», «Отец был набожный старик», «На десятой версте ст столицы невысокий насыпан курган»), одна — с волнениями среди солдат, вынужденных подавлять рабочее движение в стране («Вынул ты жребий недалний, смеряли, крикнули „Гож“») и одна — антирелигиозная баллада о служителях церкви («В церкви золотом залитой»). Судьба этих баллад различна: песня «Мы мирно стояли пред Зимним дворцом» бытовала в очень сокращенном певческом варианте; баллада «Отец был набожный старик» почти забыта; остальные три широко распространялись в певческой практике.

Какова же судьба песенной поэзии русского рабочего класса? Собиравшиеся на протяжении XVIII—XX вв. фольклористами и просто любителями поэзии, песни сохранились в большом количестве в рукописях исследователей и собирателей. Следует отметить, что обильные материалы были обнаружены в архиве жандармского управления царской России, так как рукописи песен и нелегально изданные тексты их отбирались во время арестов у участников освободительного движения. Немало записей, полученных уже в наше время от революционеров-профессионалов, опубликовано. Лучшая часть песенного творчества рабочих распространялась и после Октября. Песни-гимны, песни об исторических событиях, некоторые песни каторги и ссылки, сатирические песни часто исполнялись во время демонстраций, на вечерах воспоминаний старых большевиков, вошли в репертуар хоровых коллективов страны. В настоящее время лучшие образцы революционных песен продолжают жить в народе, они распространяются через печатные издания, их популяризируют хоровые коллективы.

Песни русского рабочего класса вошли в золотой фонд народной песенной классики трудящихся Советского Союза. На песнях революции воспиталось не одно поколение наших поэтов-песенников. Из всех жанров песенного творчества наибольшее воздействие на советских поэтов и композиторов оказали гимнические песни и песни об исторических событиях, послужив образцом в создании новых песен советской эпохи.

SUMMARY

The paper traces the history of song composition by Russian factory workers in the XVIII—XX centuries. The author comes to the conclusion that the early songs of this period were still closely linked with their primary source — peasant lyrical and satirical songs. In the second half of the XIX century workers' songs as such became more distinctly crystallized. Working men's compositions were supplemented by the literary work of revolutionaries.

New historical songs of the Russian working class were born in the course of the mass revolutionary movement of the end of the XIX and beginning of the XX century. Political songs served as active organizers of the masses. Correspondingly, a few genres were dominant: historical, hymnic, accusatory and satirical songs; songs of political penal servitude and exile; ballads (these last were less prevalent). Workers' songs of the 1890—1917 period created new images (those of Revolution, of the Red Banner, of Liberty) but did not break with the traditional century-old peasant poetry. A characteristic feature of this period's songs is their international character: Russian workers having taken up many songs of the West-European proletariat retained them during years of struggle and returned them in a new Russian version to the international working class movement.